

СТРАНИЦА ИЗ БИОГРАФИИ ФЕЛЬДМАРШАЛА

"Золотой век" Екатерины знаменит не только своей роскошью и огромными территориальными приобретениями окрепшей Российской империи. Это было время серьезной перестройки и перетряски в провинции, время своеобразного продолжения в глубинке тех преобразований, которые начал еще Петр Великий во всероссийском масштабе. Именно Екатерине город Орел обязан своим статусом губернского центра. Она отдала пальму первенства городу на Оке, хотя уже тогда, в восемнадцатом веке было очевидно важнейшее значение таких центров, как Елец, Брянск или Севск. И, тем не менее они вошли в губернию Орловскую лишь в качестве уездных городов.

Первоначально существовало Смоленское, Орловское и Белгородское генерал-губернаторство - фактически это был военный округ, сложившийся на западной границе России еще со времен непрерывных войн с Польшей и Турцией. Но нужды гражданского управления территориями требовали существенных корректив в административно-территориальное деление. В феврале 1777 года Екатерина II писала смоленскому и белгородскому генерал-губернатору Д.В.Волкову, что "между жителями Белгородской губернии, паче прочих губерний, происходит неслыханное множество ссор, тяжб, ябед и следствий, которые иначе прекращены быть не могут, как разделением сей обширной и многолюдной губернии".

Екатерина со всей решительностью выстраивала внутренний скелет империи и для этой черновой неблагодарной работы ей были нужны подходящие люди. Даже беглый взгляд на провинциальную историю позволяет сделать вывод, что на открывшиеся в результате нового административно-территориального деления вакансии наместников и губернаторов императрица

предпочитала назначать людей военных. Так, первым губернатором Смоленского, Орловского и Белгородского генерал-губернаторства был генерал князь Николай Васильевич Репнин. Первым заместителем в Курске был известный полководец граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский. А после очередной перекройки наместнических границ уже летом 1781 года по главе нового Орловского и Курского генерал-губернаторства по указу Екатерины стал генерал-поручик князь Александр Александрович Прозоровский - преемник и Репнина и Румянцева-Задунайского одновременно.

Его биография была типична для военного человека того времени. Происходил из старинного княжеского рода, с десяти лет был записан в гвардию солдатом. Четверть века провел в боях и походах, участвовал в покорении Крыма, во время прусской войны был несколько раз ранен. К моменту назначения в Орел и Курск ему было сорок девять лет, он имел генеральский чин, несколько орденов и полученную в награду за храбрость золотую шпагу, украшенную бриллиантами. Имел он и соответствующую репутацию. Вот, кстати, одно из мнений:

"Это был старый фронтовой генерал, который полагал, что все на свете может и должно подчиняться военной дисциплине и что администрация состоит в одном наблюдении за сохранением порядка, понимаемого в самом узком значении этого слова".

Прозоровский решил навести порядок в администрации и судах. Как-то на своем обычном пути из Курска в Орел он не преминул заехать в Малоархангельск и побывал у городничего, а также в уездном и земском судах. Картина была удручающей: десятки дел лежали без всякого разбора и движения месяцами, не было элементарной системы регистрации деловых бумаг. Прозоровский живописал эту картину в одном из своих рескриптов и

разослал его по губернии, потребовав завести регистрационные книги и журналы, ввести сроки рассмотрения дел и установить систему контроля.

Новый губернатор не терпел столь привычных для провинциалов бесконечных надуманных тяжб. Рассматривая жалобу однодворца села Везоватого Малоархангельской округи Антона Кузменкова на губернского прокурора Новосильцова, Прозоровский посчитал ее необоснованной и потребовал взыскать с однодворца за наветы 25 рублей. Елецкого мещанина Василия Никитина губернатор и вовсе грозил упечь в каталажку за надуманные жалобы. Закономерным итогом многочисленных разбирательств стало то, что Прозоровский ввел в губернии армейские порядки, запретив подавать прошения и жалобы, минуя непосредственного начальника.

Круг забот генерала, "временно командированного на гражданку", был весьма обширен. Постоянно приходилось заниматься ему и столь знакомым делом, как набор рекрутов. Приучал орловских крестьян сдавать хлеб на хранение в государственные амбары, чтобы имелся запас на случай голода. Организовывал выборы на общественные должности, собирал сведения о верфях в губернии. Прослышав о старой дороге, генерал даже пытался возродить сообщение по забытому тракту Старый Оскол - Ливны: это был давно запустевший путь татарских набегов и поездок государевых послов в Крым.

Помня о необходимости оживить провинциальную дремоту, Прозоровский поделился с наместническим правлением идеей заселить вновь учрежденные города предприимчивыми людьми для развития торговли. Вскоре правление представило губернатору список тех, кто хотел бы записаться в купцы и мещане из однодворцев, ямщиков, экономических и дворцовых крестьян.

Но Прозоровский список не утвердил. Что же вызвало его сомнения? Князь считал, что претенденты на вхождение в новое сословие должны были хоть как-то обозначить величину капиталов - своих или хотя бы тех, кто мог им содействовать на первых порах. Во-вторых, все стремились стать купцами в Орле, Брянске, Мценске, Болхове или Карачеве - то есть в самых крупных и развитых городах наместничества. И это тоже не устроило Прозоровского. Он постановил вообще не принимать прошений о записи в купеческое сословие в этих пяти торговых центрах, а посылать всех желающих в города "новые" - такие, как Малоархангельск, Дмитровск, Дешкин - бывшие села, лишь недавно получившие статус городов. Также наместник потребовал, чтобы все претенденты предоставляли "достоверное свидетельство" о своем капитале от купечества или, в крайнем случае, от сельского старосты.

Еще его предшественник Репнин выступил с идеей постройки гостиного двора в Орле. Но старые лавки и сараи горожане переносили с неохотой. Пришлось Прозоровскому для ускорения дела пригрозить в случае волокиты предать городской магистрат суду.

Пришел в ветхость старый мост через Оку в Орле. Прозоровский предложил местному правлению два варианта: построить либо каменный мост, либо понтонный. В комиссию для принятия окончательного решения были назначены городничий, архитектор и землемер (умели и в старину заволочить дело - не то, что через десять или двадцать, но и спустя девяносто лет вопрос этот не был решен).

Целая эпопея - организация почты. Еще опять же еще Репнин в марте 1781 года потребовал организовать в наместничестве почту для сообщения между губернскими и уездными городами. Однако поначалу почта была довольно-таки чахлым предприятием. Не случайно уже в декабре того же года Прозоровскому пришлось снова поднимать вопрос о ней. Именно

Прозоровский организовал надежную доставку корреспонденции из Орла в ближайшие крупные города Смоленск, Тулу, Калугу и Воронеж. Были серьезно скорректированы и традиционные маршруты. Так, например, прежде письма из Орла в Севск, Карачев и Брянск доставлялись непременно транзитом через Болхов и только один раз в неделю. Прозоровский издал специальные распоряжения, касающиеся выдачи подорожных и по ним лошадей, определил весь механизм работы почты, установил порядок оплаты корреспонденции и тем самым нашел источники доходов для жалования почтовым чиновникам.

Курьезом в истории правления Прозоровского остается эпизод с введением "кафтанных" - форменной одежды для чиновников Орловского и Курского наместничества. Подробнейший циркуляр по этому поводу был подписан им 17 декабря 1782 года. Читаешь этот документ, и невольно вспоминается фильм о бароне Мюнхгаузене, когда губернатор при известии о начале войны принялся давать указания, в каких мундирах надлежит выступать в поход. Да и во всех прочих ситуациях правитель поступал в первую очередь как истинный мастер портновского дела...

Прозоровский регламентировал ношение кафтанных до таких мелочей, что только остается удивляться его осведомленности в тонкостях чиновничьего наряда. Так для орловцев он предписывал: кафтаны голубые, камзолы белые, воротник и обшлага черные, бархатные или плисовые, подбой голубой, пуговицы красные, галуны на шляпах золотые.

Но если бы на этом генерал-губернатор остановился! Он, наверное, не случайно с таким воодушевлением взялся за мундирные тонкости: только что Екатерина повысила Прозоровского в звании, сделав генерал-аншефом. Он расписывает, кому какие отличия иметь в зависимости от чина. Губернатору полагалось иметь лацканы и два плоские эполета, вице-губернатору - один плоский эполет, губернского магистрата и верхней расправы председателям -

разрезные обшлага с тремя пуговицами, заседателям суда обшлага застегивать двумя пуговицами, но не иметь пуговиц на рукаве.

Не забыт был никто из чиновников - ни землемеры, ни прокуроры, ни судьи, ни старосты... Даже докторам предписывалось иметь круглые воротники, лекарям и аптекарям - пуговицы на обоих полах, подлекарям и лекарским ученикам - голубые обшлага.

В Орле предполагалось ввести золотые пуговицы, в Курске - серебряные. Было также указание: "Господам обеих губерний представителям постараться выписать из Москвы на счет всех предводителей эполеты с гербами и доставить им".

Можно представить себе смятение в среде орловских и курских чиновников, когда они выслушивали подобные перечни новаций. И оживление среди портных, потиравших руки в ожидании массы заказов. Вполне возможно, что кому-то из нарождавшейся губернской бюрократии весть о нововведениях была по душе: почему бы не щегольнуть в наряде с иголки, на котором буквально каждая пуговица без излишней скромности заявляет о занимаемой ее хозяином должности.

И в то же время для десятков, а может, и сотен чиновников такая обновка грозила изрядной прорехой в небогатом бюджете. Вспомним "Шинель" Гоголя, Акакия Акакиевича, который много лет копил деньги, чтобы рассчитаться при случае с портным. Он уже и свечи готов был не зажигать по вечерам, и подметки не стирать долгой ходьбой...

Впрочем, генерал-губернатор сделал великодушный жест "в пользу бедных": "... дозволяется донашивать прежние кафтаны".

Похоже, новации с мундирами - не просто причуда. Генерал, раздавая в новых губерниях каждому чиновнику свой знак отличия, выстраивал иерархию, указывал каждому сверчку свой шесток. Да и в любой, самой

неожиданной ситуации можно было легко узнать, кто произнес дерзкое слово, кто посмел улыбнуться или не совсем учтиво раскланяться - его манжеты и воротник были не хуже паспорта. К тому же истинное послушание поощрялось не только новым чином, но и более солидным мундиром...

Нововведение Прозоровского просуществовало недолго - меньше полутора лет. Хотя, пожалуй, и за это время кое-кто поднаторел в распознавании чинов по застегкам и хлястикам. С апреля 1784 года в Орловской губернии была принята единая форма: красный кафтан с голубыми лацканами, камзол белый, пуговицы того же цвета. И снова выстроилась губерния в очередь к портным...

Впрочем, сам генерал-губернатор был уже весьма далек от этих провинциальных забот. 21 декабря 1783 года Прозоровский был уволен в отставку "за болезнями его с производением ему по смерти полного его жалованья". Судьба распорядилась так, что уже нигде и никогда губернатором он больше не был, если не считать нескольких лет в Москве, где он занимал пост главнокомандующего - воинского начальника столицы. Какие-то нити в разные годы связывали его со Смоленском: начальник войск, расположенных в Белоруссии и Смоленской губернии, командир Смоленской дивизии.

Екатерина еще не раз вспоминала о своем доверенном человеке. Например, немало пришлось ему потрудиться, когда настал черед разгромить масонские ложи. По сути Прозоровский был орудием императрицы в ее борьбе с масонами, под его руководством шли в Москве аресты, обыски и допросы. И здесь он только лишний раз подтвердил свою уже давно известную репутацию старого служаки. Автор биографического очерка о просветителе Новикове С.Е. Усова: "...назначен был генерал-аншеф князь Прозоровский, человек невежественный, ограниченный и надменный. Очевидно, он был послан Екатериною в Москву специально для того, чтобы ее подтянуть и не дать

развиться в ней элементам, которых правительство, при данных политических обстоятельствах, очень опасалось. Князь Прозоровский оправдал вполне возлагавшиеся на него надежды. По приезде в Москву он окружил мартинистов шпионами, которые доносили ему о каждом их шаге".

Пережив опалу при Павле, престарелый Прозоровский был снова востребован Александром I и возглавил ополчение (в связи с чем в семьдесят пять лет получил звание фельдмаршала), а затем командовал регулярными войсками, сражавшимися с турками. Здесь, в лагере на Дунае пришел последний час Прозоровского. Отправляя с депешей курьера в Петербург, он попросил его: "Когда ты будешь представлен военному министру, а, может быть, и государю, объяви, что я умираю. Меня в то время не будет уже на свете. Рассказывай, что видел, лишнего не прибавляй".

Так и произошло. Похоронили его в Киеве, без помпезностей, которые следовали бы фельдмаршалу. Он и сам оставил весьма своеобразное завещание: "Те только памятники прочны, которые сооружает благодарное Отечество; прочие, воздвигаемые гордостью, ничтожны: пускай одна доска с простою надписью указывает место моего погребения".

Прозоровский, несмотря на свои немалые военные заслуги, несмотря на то, что был удостоен всех российских орденов, так и не вошел в отечественные учебники истории, как представитель знаменитой плеяды русских полководцев. Не вспоминают о нем и как о государственном деятеле. Даже в Орле прочно забыт один из первых генерал-губернаторов. Но надо отдать ему должное: Прозоровский сыграл свою важную роль в становлении Орловской губернии. Учрежденная в "хлебородном краю", губерния была в России не из последних, в чем-то даже знаменитая. Прозоровский, в свое время оторванный от армейского поприща и брошенный императрицей на сугубо гражданские дела, по прошествии лет мог бы гордиться своим детищем...